

И. М. САВЕЛЬЕВА
А. В. ПОЛЕТАЕВ

ИСТОРИЯ
И
ВРЕМЯ

в поисках утраченного

STUDIA HISTORICA

И. М. Савельева
А. В. Полетаев

И С Т О Р И Я
И
В Р Е М Я

в поисках утраченного

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1997

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

Взгляды и подходы автора не обязательно совпадают с позицией программы. В особо спорных случаях альтернативная точка зрения отражается в предисловиях и послесловиях.

Редакционный совет: *В. И. Бахмин, Я. М. Бергер, Е. Ю. Гениева, Г. Г. Дилигенский, В. Д. Шадриков.*

Савельева И. М., Полетаев А. В.

С 12

История и время. В поисках утраченного. — М.: «Языки русской культуры», 1997. — 800 с., 1 илл.

ISBN 5-7859-0025-4

Монография является первым комплексным исследованием проблемы времени как категории исторического дискурса. История не только определяет времяположение прошлого, настоящего и будущего. Она конструирует и множество сложных временных форм: настоящее в прошлом, прошлое в настоящем, будущее в прошлом и т. д. Анализ роли темпоральных представлений в историческом сознании и историческом познании позволяет дать нетрадиционную трактовку эволюции европейской историографии и ее места в системе современных социальных наук. В книге рассматривается широкий круг тем, связанных с историческим временем, — от часов и календарей до дисциплины и аллокации времени, а также различные способы сегментации и структурирования истории: хронологические системы, концепции периодов и эпох, стадийные и циклические схемы, контрфактические и экспериментальные модели, методы дехронологизации и деконструкции.

На контртитule — картина П. Брейгеля «Триумф Времени» (Нью-Йорк, Музей Метрополитен); ее описание см. на странице 10.

ББК 63

ISBN 5-7859-0025-4

© И. М. Савельева, А. В. Полетаев, 1997

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
Глава 1. ВРЕМЯ И МЕСТО ИСТОРИИ	15
§ 1. ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ	27
1. Классификация «по предмету»	28
2. Общество и человек	39
§ 2. МЕТОД ИСТОРИИ	43
1. Классификация «по методу»	44
2. Специфика исторического познания	57
§ 3. ВРЕМЯ ИСТОРИИ	72
1. Два образа времени	73
2. Темпоральные характеристики исторических исследований	89
§ 4. ИСТОРИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК	97
1. История и политология	99
2. История и экономическая наука	104
3. История и социология	111
4. История и психология	117
5. История и культурная антропология	125
6. История и география	128
Глава 2. ОТ ХРОНОЛОГИИ К ИСТОРИОГРАФИИ	137
§ 1. СОБЫТИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ	142
1. Событие как элемент исторического анализа	143
2. Событие и время	150
§ 2. КАЛЕНДАРНОЕ ВРЕМЯ	159
1. Календари	160
2. Календарные периоды	171
§ 3. ХРОНОЛОГИЯ	178
1. Системы <i>ex ante</i>	181
2. Системы <i>ex post</i>	185

§ 4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ	196
1. Концепция эпох	200
2. Новое время	212
3. Власть схемы	222
§ 5. ВЕКА И СТОЛЕТИЯ	228
1. «Время чего-либо, замечательное чем-либо»	231
2. Века-столетия	238
Приложение. «Игра в цифири»	250
Глава 3. «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ» ИЛИ «ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ»	273
§ 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФОРМАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	280
1. От древности до Возрождения: история мира	285
2. Новое время: история общества	297
§ 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ	308
1. Ухронии	311
2. Прогнозы	322
§ 3. СХЕМЫ «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»	329
1. Выделение ядра	331
2. «Время по Гринвичу»	339
3. Синхронизация диахронии	342
Глава 4. ЦИКЛЫ И СТАДИИ	355
§ 1. МЕХАНИЗМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ	359
1. Смена поколений	360
2. «Циклы жизни»	371
3. Космические факторы	377
4. Механические модели	382
§ 2. ПЕРИОДИЧНОСТЬ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ	387
1. От трех до тридцати	391
2. Пятьдесят—шестьдесят	400
3. Сто и больше	421
4. Проблема выбора	431

§ 3. СТАДИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	433
1. Типология стадияльных схем	438
2. «Разрывы» истории	447
3. Стадии и циклы как способы периодизации	457
Приложение. Датировки экономических циклов	467
Глава 5. ИСТОРИЯ ВРЕМЕНИ	481
§ 1. СТРУКТУРИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВРЕМЕНИ	492
1. Измерение и структурирование времени	494
2. Время как ресурс: ценность и собственность	514
3. Использование времени: аллокация и дисциплина	538
§ 2. ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	566
1. Эмпирические представления	579
2. Семейные представления	584
3. Сакральные представления	593
4. Исторические представления	600
Глава 6. HISTORICUS LUDENS	617
§ 1. ИГРЫ С ПРОШЛЫМ	622
1. Историзм	624
2. Структуризация времени	636
3. Анахронизм	644
4. «Экспериментальная» история	647
5. Дехронологизация	654
§ 2. НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ	660
1. От настоящего к прошлому	664
2. Политические течения: откуда и куда?	674
3. Историческая закономерность и случайность	684
Литература	697
Указатели имен	779

Доктрина времени, наука о когда-то бывших вещах, принимает наименование исторической, так как ее изучение создает историю.

Жан Гарнье. Библиотечная система Парижской коллегии общества иезуитов, 1678 г.

Питер Брейгель. Триумф Времени

В центре гравюры помещена фигура Времени-отца (образ, укоренившийся в эпоху Возрождения) в виде Кроноса или Сатурна, пожирающего собственного сына. В левой руке он держит змею, кусающую свой хвост — обозначение бесконечной цикличности времени в восточных культурах. Повозка, символизирующая движение Времени, запряжена лошадьми Солнцем и Луной, а ее колесами служат мандалы, означающие «колесо времени» в буддистской мифологии.

Левая половина гравюры с осенним пейзажем изображает умирание и разрушение, весенний пейзаж в правой части отождествляется с рождением и созиданием. Одновременно река отделяет передний — сакральный — план композиции от заднего — мирского.

На переднем плане повозка Времени везет Древо жизни, растущее из шара, окруженного двенадцатью знаками Зодиака (аллегория Космоса). В качестве плодов Древа жизни справа, на цветущих ветвях, изображены механические часы с колоколом, отбивающим часы жизни, а на засохших ветвях слева — весы, которые традиционно (начиная с египетской мифологии) ассоциировались с взвешиванием душ умерших во время загробного суда. На заднем плане горящему зданию в левой части противопоставлено справа изображение элементов повседневной жизни — домов, мельниц, церкви, а также людей, танцующих в хороводе вокруг Майского шеста.

В результате движения Времени разрушается все создаваемое человеком: орудия труда, утварь, музыкальные инструменты и даже книги. За Временем следует Смерть на кляче, но завершает триумфальное шествие не она, а аллегорическая фигура Славы на мощном слоне. Как гласит последняя строфа подписи под гравюрой, из всего на свете остается одна лишь Слава, услаждающая своими звуками мир.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Наша земля приходит в упадок;
взяточничество и коррупция процветают;
дети перестали слушаться родителей;
каждый хочет написать книгу
и конец мира уже близок.*

Папирус Присса
1 половина III тыс. до н. э.

Как известно, все люди делятся на тех, кто не стремится писать книги, и тех, кто их пишет. Сочинители, в свою очередь, либо предварают свои книги введением, либо ограничиваются предисловием (попытки отдельных экстремистски настроенных авторов вообще не писать предисловия в большинстве случаев незамедлительно пресекаются рецензентами и редакторами). Введение создается по строгим канонам: оно содержит постановку проблемы, определяет границы и параметры исследования и, бесспорно, свидетельствует о серьезности намерений автора. Предисловие же пишется как сочинение на вольную тему и в большинстве случаев является симптомом усталости от собственного труда.

Дань «смертельной серьезности», пользуясь выражением М. Вебера, мы отдаем в первой главе, которая, кажется, отвечает всем требованиям «Введения», а здесь хотим ограничиться предисловием. Но и это не очень облегчает задачу, и остается лишь повторить вслед за автором «Дон Кихота»: «Должен сознаться, что хотя я потратил на свою книгу немало труда, однако ж еще труднее мне было сочинить это самое предисловие, которое тебе предстоит прочесть» (*Сервантес* 1976 [1605], т. 1, с. 11).

Во введении обычно говорится о том, что можно найти в данной работе. Поэтому в предисловии мы решили написать о том, чего в нашей монографии искать не следует. На наш взгляд, это тоже может быть небесполезно для читателя.

Прежде всего, в своей книге мы не выходим за рамки обсуждения европейской концепции исторического времени. Это ни в коей мере не свидетельствует о европоцентристской позиции авторов, а определяется только пределами их компетенции. Представления об

историческом времени в иных регионах настолько отличны от европейского, что требуют другого исследования и других исследователей.

Мы пытались уйти и от обсуждения проблем философии времени. Конечно, полностью избежать его нам вряд ли удалось, но по крайней мере мы сознательно не цитировали сакраментальное изречение Св. Августина: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю» (*Августин. Исповедь... 11, XIV, 17*).

В работе отсутствует и специальный анализ социологических, экономических и культурологических темпоральных концепций. Нас преимущественно интересовали возможности разработки проблемы времени в исторической науке. И поэтому, хотя тема исследования с очевидностью имеет междисциплинарный характер, подходы к изучению времени в других социальных науках рассматриваются нами не сами по себе, а только с точки зрения их потенциального интереса для историков.

В книге нет панорамы всемирной истории, равно как и исчерпывающих обзоров литературы. Мы отнесли бы свое сочинение к жанру «теоретической истории». «Иллюстративный» материал — исторические и историографические примеры — используется лишь в той мере и в том ракурсе, в каком нам это казалось необходимым и достаточным для демонстрации многообразия возможностей темпорального подхода к истории. В этом смысле книга не традиционна.

Отсутствуют и модные ныне постмодернистские веяния, и неоправданно мало написано о постмодернизме: несмотря на все наши старания, этот «другой» остается для нас «чужим». В этом смысле книга старомодна.

Парадоксально, но в этой книге о времени нет «духа времени» (в смысле *Zeitgeist*). Во всяком случае нам так кажется, хотя выйти из своего времени никто не волен. Но речь не об этом. Здесь читатель не обнаружит примет нашего времени, озабоченности нашего времени, напряженности нашего времени, сиюминутности. Скажем прямо, в ней нет размышлений на тему о том, «куда идет Россия?..». В этом смысле книга не современна.

Полагаем, что перечень отсутствующего в книге уже достаточно длинен для того, чтобы заинтересовать читателя и побудить его выяснить, что же все-таки в ней есть.

* * *

Еще в XV в. итальянский гуманист Лоренцо Валла перечислил пять важнейших условий, необходимых для ученых занятий. В начале этого списка стоят «общение с образованными людьми» и «изобилие книг». Далее следуют «удобное место», «свободное время» и, наконец, «душевный покой» (цит. по: *Баткин*, 1995, с. 72).

Мы в полной мере насладились первыми двумя условиями. В последние годы, очень нелегкие для научного сообщества в нашей стране, нам выпало удовольствие общения с коллегами по альманаху «THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем»: В. С. Автономовым, С. А. Афонцевым, А. В. Беляниным, Т. Б. Гвоздевой, Ю. А. Кимелевым, Э. Г. Соловьевым, А. Ф. Филипповым. Именно «труды в досуге» с этими замечательными людьми сделали возможной нашу книгу.

Что касается замысла этой работы, то он возник в беседах с Ш. Айзенштадтом, И. Уоллерстайном, а также М. А. Баргом, который, к сожалению, не дожил до выхода этой книги в свет.

Написав книгу о времени, мы как никто другой можем оценить труд, взятый на себя Я. М. Бергером, Т. Д. Венедиктовой, Г. Г. Дилигенским, М. М. Духановым, Г. И. Зверевой, Л. Л. Лисюткиной, Н. Б. Маньковской, Л. П. Репиной, В. Г. Федотовой и Б. М. Шпотовым, равно как и коллегами по «THESIS'у». Время, потраченное ими на чтение и рецензирование нашей работы, они, конечно же, могли использовать с гораздо большей пользой для себя. Но ценность сделанных ими советов и замечаний для нас была необычайно высока.

Второе условие — изобилие книг — настолько, насколько это возможно, обеспечивала нам библиотека ИНИОН РАН, сотрудникам которой, остающимся хранителями духа «старого ФБОНа», мы тоже хотим выразить нашу сердечную благодарность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВРЕМЯ И МЕСТО ИСТОРИИ

— Вот граница! — сказал Ноздрев. — Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и все, что за лесом, все мое.

Н. В. Гоголь. Мертвые души.

История поисков места для истории в общей системе знаний восходит к древнегреческим авторам. Общества, начиная с древних, приписывали истории целый ряд важных задач, связанных с культурно-политическими функциями, функциями накопления и обобщения социального опыта. Но несмотря на столь важную роль, вплоть до конца XVI в. история, как ни странно, вообще не рассматривалась в качестве самостоятельной области знания.

В XVII—XVIII вв., в эпоху главенства естественнонаучного подхода, история по-прежнему оставалась вне науки (к которой относились лишь естественные дисциплины), но за пределами естествоведения и философии занимала господствующие позиции.

В XIX в., когда стали формироваться социальные науки (экономика, социология, психология, политология, антропология), их многоголосие заглушило партию истории, и в то время у многих возникло впечатление, что история как наука не состоится, что она лишилась монополии на предмет и не обрела своего метода. «В XIX в., веке науки, истории и романа, историки упорно стремились разместить свою дисциплину во владениях науки...» (Hartog 1980; цит. по: Мило 1994 [1990], с. 186), но все попытки утвердить специфику своего предмета и (или) найти собственные методы были не слишком успешными.

В 1930-е годы, когда завершился период становления большинства общественных дисциплин, выяснилось, что слухи о смерти истории оказались несколько преувеличенными. История сохранила и свою самобытность, и, в значительной мере, престиж. Но ее отношения с другими социальными науками остаются непроясненными, существуют проблемы взаимодействия, приоритетов и разделения сфер исследования.

В основе всех классификаций наук — от Платона до наших дней — лежали два принципа: классификация *по предмету* и *по методу*. При этом история не вполне укладывалась в классификационные схемы, основанные на этих двух принципах членения. В результате ее либо вообще «истребляли» как самостоятельную область знания или научную дисциплину (начиная с Эпикура и кончая позитивистами XIX в.), либо, наоборот, включали в нее почти все мыслимые науки, в том числе и естественные (как это делали, например, Ф. Бэкон и Д. Дидро). Аналогичные проблемы возникали даже при сужении предмета истории до сферы изучения общества — она или вообще выпадала из классификационных схем, или начинала занимать в них непропорционально большое место.

Правда, авторами подавляющего большинства концепций и схем, определявших место истории в системе знания, были философы, а не историки. Между тем гораздо более интересной (и менее разработанной) является проблема самоидентификации истории. Но историки, в большинстве своем, предпочитают уклоняться от обсуждения этой темы.

На наш взгляд, сложности с определением места истории в системе научного и тем более общего знания состоят в том, что наряду с классификацией по предмету и методу науки могут (и должны) классифицироваться *по времени*, к которому принадлежит объект их изучения, — прошлому, настоящему и, вообще говоря, будущему (хотя в настоящий момент науки о будущем фактически не существуют в самостоятельном виде).

Идея о том, что прошлое тем или иным образом вплетено в природу исторического познания, достаточно банальна для рефлексий по поводу истории. Очень часто само «прошлое» определяют как объект истории: «Поскольку предметом истории как теоретического построения является прошлое — отделенное от настоящего и будущего — то время, во всяком случае, принадлежит к важнейшим ее понятиям» (Зиммель 1996 [1917], с. 517). Или: «Историей называют нынче науку, которая всесторонне изучает прошлое человечества...» (Дьяков 1974, с. 11) и т. п.

Другая распространенная позиция сводится к ассоциированию истории с изучением самого времени. Например, еще в эпоху античности историка называли *translator temporis* (передатчиком времени). И еще совсем недавно выдающийся французский историк Ф. Бродель упрекал представителей других социальных наук в том, что

они «проявляют склонность игнорировать как труды историков, так и тот специфический объект социальной реальности, который лучше всего изучается историей... Этим аспектом оказывается социальное время, сложное, противоречивое человеческое время, составляющее материю прошлого и саму структуру современной социальной жизни» (Бродель 1977 [1958], с. 117).

Но, как справедливо заметил известный английский социолог Э. Гидденс, «историк могут рассматриваться как специалисты в области времени не в большей степени, чем географы могут рассматриваться как специалисты в области пространства. Эти обычно применяемые дисциплинарные различия свидетельствуют лишь о подавлении времени и пространства в социальной теории» (Giddens 1981, p. 353). Историк изучают не «прошлое» и не «время», а некий объект в прошлом (общество, его подсистемы, индивида). Именно этим история отличается от социальных наук, которые, условно говоря, занимаются анализом *настоящего*, подразумевая под этим разработку теоретических схем, моделей, категорий и понятий, способствующих пониманию существующего ныне общества и современного человека.

Как ни удивительно, это различие до сих пор практически не акцентировалось в научной литературе. Нам удалось найти лишь одно высказывание такого рода: «Разделение „сфер влияния“ между историей и конкретной социологией... проходит по той подвижной линии, которая отделяет прошлое от настоящего. Конечно, здесь... много точек соприкосновения и даже прямого совпадения; настоящее ежечасно, ежеминутно переходит в прошлое, и данные конкретных социологических исследований быстро становятся историческими источниками» (Гулыга 1969, с. 28 сн.). Правда, А. Гулыга, которому принадлежит эта формулировка, говорил лишь о водоразделе между историей и конкретной социологией, да и то в сноске, но общая идея созвучна предлагаемому нами подходу.

Разделение труда в современной науке сложилось так, что на плечи историков лег комплексный анализ обществ, отличных от современного. Как отметил французский историк М. де Серто, историографический дискурс конструируется как *познание другого*. «... Прошлое в первую очередь связано с *репрезентацией различия*. Производимая историком операция состоит в определении того, что именно, в соответствии с современными установлениями, отличается от своего „другого“ (прошлого), в предположении о наличии дистанции, отде-

ляющей нынешнюю ситуацию <от прошлого>, и тем самым в маркировании посредством дискурса значимых изменений, обуславливающих эту дистанцированность. Эта операция имеет двойной смысл. С одной стороны, она историзирует настоящее время. Точнее говоря, она позиционирует настоящее время переживаемого момента... Но, с другой стороны, образ прошлого сохраняет свою первичную функцию репрезентации *утраченного*... Таким образом, история всегда амбивалентна: установление места прошлого в равной мере является формой *выделения места для будущего*» (Certeau 1988 [1975], p. 85).

Тем самым определяется граница между настоящим и прошлым: к настоящему, т. е. предмету специализированных общественных наук, относится та часть прошлого, когда общество было похоже на сегодняшнее, и поэтому к нему применимы схемы, модели, теории и концепции, созданные для анализа современности. Ясно, что эта граница условна и размыта; по отдельным дисциплинам и даже внутри каждой из них грань между прошлым и настоящим может сильно колебаться: например, в экономической науке аппарат производственных функций пригоден даже для второй половины XVIII в., а, скажем, портфельная теория финансовых активов — лишь начиная с 30-х годов нашего века.

Надо сказать, что социальные науки далеко не сразу определились как дисциплины, которые преимущественно концентрируются на изучении настоящего, — так, на начальном этапе крупные работы по исторической социологии не были исключением, каковым они стали впоследствии. Причина заключалась не только в том, что социология проходила некий этап самоопределения и еще не сделала окончательного выбора. Дело и в некоторых характерных для XIX в. обольщениях относительно возможности разработки универсальных или «естественных» законов, пригодных для «всех времен и народов». Естественнонаучная парадигма, идущая от О. Конта, толкала социологов к определению всеобщих законов развития общества. Эволюционный подход, связанный с признанием социальной динамики, также ориентировал на поиски *законов* — в данном случае законов развития, законов перехода от одной общественной системы к другой. Но затем по целому ряду причин социологи охладели к истории, а если и обращались к ней, то, за редкими исключениями типа М. Вебера и Н. Элиаса, делали это столь неумело, что ничего кроме раздражения у историков это вызвать не могло.

То же самое можно было наблюдать, скажем, в экономической науке: если в работах Адама Смита, Томаса Мальтуса, Карла Маркса и многих других экономистов XVIII—XIX вв. исторический анализ был неотъемлемым элементом теоретических построений, то в XX в. экономическая теория стала все больше пренебрегать историей. Сказанное справедливо и по отношению к другим социальным дисциплинам. Выработка ими самостоятельного категориального и теоретического аппарата, отказ от некогда модного «исторического» подхода и обращение к методам структурно-функционального анализа в некотором смысле отрезало их от прошлого. Как справедливо заметил американский историк Л. Стоун, ни одна группа представителей социальных наук не интересуется серьезно ни фактами, ни интерпретацией изменений, если они происходили в прошлом (Stone 1987, p. 9).

Однако мы не можем согласиться с распространенным мнением, будто бы историк лишь транспортирует в прошлое проблемы, которыми применительно к современному обществу занимаются представители других социальных наук (Bobinska 1967, S. 85—86). Дело в том, что теории общественной жизни применимы только к определенному историческому периоду и адекватны только ему. А. Гулыга верно заметил, что «каждая область человеческой деятельности имеет свое прошлое, свои закономерности развития, а следовательно, и свою историю» (Гулыга 1969, с. 27), добавим к этому еще: и свою теорию. В общественных науках не существует «теории вообще», не привязанной к времени и пространству. Даже самые формальные экономические модели исходят из некоей реальности, существующей в определенное время и в определенных странах¹.

Вопрос о том, насколько оправдана предлагаемая нами точка зрения, решать читателю. Существует и противоположная позиция, сформулированная Э. Гидденсом. Он считает, что социальную науку нельзя рассматривать ни как обобщения вне времени и пространства,

¹ Заметим, что описанная ситуация относится прежде всего к общественным наукам, предмет которых подвержен существенным изменениям во времени. Для наук о живой природе эта проблема выражена гораздо слабее, поскольку скорость изменений в природе относительно невелика по сравнению с обществом, как социальным организмом, и с изучением эволюции здесь вполне справляются такие науки, как палеозоология и палеоботаника. Наконец, для неживой природы, где скорость изменений еще меньше, анализ прошлых состояний предмета изучения той или иной науки уже не требует специальных дисциплин и решается непосредственно в рамках астрономии, геологии и т. д.

ни как науку о настоящем. На вопрос о том, что тогда отличает ее от истории, Э. Гидденс отвечает так: «Думаю, что, вслед за Дюркгеймом (хотя он пришел к этому выводу другим путем), мы должны ответить: ничто, что можно было бы сформулировать в концептуально целостной форме. Если и существуют различия между социальной наукой и историей, то только в области разделения труда, логических или методологических схизм. Историки, которые специализируются в области текстов, языков или „периодов“, несвободны от концепций и дилемм социальной теории. Историческое исследование является социальным исследованием, и наоборот» (Giddens 1981, p. 358).

Нам представляется, что, думая так, Гидденс выдает желаемое за действительное и в реальности дело обстоит иначе. Социальные науки и история неразличимы лишь в идеале, и Гидденс, таким образом, предлагает нормативную теорию, объясняющую, как должно было бы быть. Подобную нормативную установку формулирует, например, и австрийский историк Р. Зидер, справедливо полагающий, что *если социология, этнология, политология и другие социальные науки будут учитывать исторический характер объектов своих исследований, то возникнет высокоспециализированная и в то же время высокоинтегрированная «историческая социальная наука», способная интерпретировать, систематизировать, квантифицировать, рассказывать и объяснять* (Зидер 1993 [1990], с. 178).

Мы, со своей стороны, предлагаем концепцию дескриптивную, описывающую реальное, сегодняшнее положение истории в системе социальных наук. Если вдуматься, сфера действия и применимости большинства современных экономических, социологических, политологических концепций не превышает 100—150 лет (а во многих случаях много меньше). Все, что находится за пределами этого периода, требует иного теоретического и категориального аппарата, на создание которого обществоведы, как правило, просто не имеют времени (или желания, т. к. это явно не вписывается в ту часть науки, которая ценится их сообществом и оплачивается власть предержащими).

Ясно, например, что для анализа экономики XVIII в., не говоря уже о более отдаленных периодах, кроме самых общих понятий — производство, потребление, цена и т. д. — практически ничего из экономической теории XX в. использовать невозможно, будь то эффект реальных кассовых остатков, равновесие IS—LM, а тем паче изыски последних десятилетий типа теории реального делового цикла или концепции «состязательных рынков» (contestable markets).

Поскольку по мере углубления в прошлое современный теоретический аппарат становится все менее пригодным для анализа менявшегося общества, то, начиная с какого-то момента, для теоретического анализа исчезнувшей реальности надо разрабатывать другие схемы, модели и концепции². Очевидно, что эту функцию тоже должны выполнять историки.

Таким образом, историческое знание оказывается не одной наукой, а системой наук, точнее даже множеством систем, каждая из которых соответствует какому-либо типу общества из существовавших в прошлом. Условно говоря, в идеале, например, для эпохи Просвещения должны существовать своя социология, экономическая наука, политология и т. д. Или по-другому: должны существовать социология эпохи Просвещения, Возрождения, позднего Средневековья, раннего Средневековья и т. д.

Общественные науки (экономика, социология, политология) обычно трактуются как анализирующие, но лишь благодаря тому, что функция сбора и систематизации информации вынесена за рамки «чистой» науки или играет в науке вспомогательную роль, которую берет на себя «младший научный персонал». В основном первичным сбором и обработкой экономической, социальной, политической и т. д. информации занимаются государственные статистические ведомства, центры, проводящие социологические опросы, наконец, журналисты и информационные агентства. Но все это относится лишь к существующей, сегодняшней реальности — для прошлого эту работу должны выполнять историки (в этом смысле популярная историческая литература представляет собой не что иное, как журналистику, опрокинутую в прошлое, — яркое, красочное, доходчивое описание происходивших когда-то событий).

Так или иначе, для каждой из «теоретических» наук, относящихся к прошлому, должна быть создана эмпирическая «подклад-

² Применительно к экономике эту идею развивали представители немецкой историко-экономической школы XIX — начала XX в. (К. Бюхер, А. Шпитгоф и др.), считавшие необходимой разработку специальных экономических теорий для каждой «хозяйственной стадии» или «хозяйственного стиля». Такие теоретические концепции, привязанные к тому или иному историческому периоду, они именовали «наглядными теориями» в противоположность «вневременной» или «формальной» теории хозяйства, которая должна объяснять явления, не подверженные историческим изменениям. Этот подход представляется нам вполне разумным, хотя он часто подвергается критике (см., например: *Ойкен* 1996 [1940], с. 89—91).

ка» в виде соответствующих описательных дисциплин — например, экономической статистики, фактов политической жизни, данных о психологическом поведении и т. д.

Ясно, что эта идеальная картина (а нечто подобное и имеет в виду Э. Гидденс) не будет реализована ни при каких условиях — человечество просто не может позволить себе роскошь тратить столько ресурсов на изучение исчезнувших реальностей. «Зачем возвращаться к прошлому, к этой обедненной, заброшенной, схематизированной, погруженной в молчание стране? Не мертво ли это прошлое и действительно ли его следует реконструировать?..» — с обидой за ремесло историка вопрошал Ф. Бродель (*Бродель* 1977 [1958], с. 131). Вследствие низкой общественной приоритетности изучения прошлого, относительно немногочисленному сообществу историков приходится заниматься огромным количеством научных дисциплин, располагая для этого совершенно неадекватными ресурсами. Последнее обстоятельство обычно проходит мимо внимания тех, кто определяет сферу интересов исторической науки.

Историки вынуждены заниматься не только сбором данных, но и разработкой теории (экономической, политической, социальной, психологического поведения) применительно к обществам, существовавшим раньше и сильно отличавшимся от нынешнего³. В какой-то мере это напоминает антропологию, если не считать того, что антропологи имеют дело с очень простыми обществами (в которых фактически отсутствует экономическая и политическая система, а социальные отношения строго регламентированы). Понятно, что в силу объективных причин историки не в состоянии справиться с анализом прошлых обществ на столь же высоком теоретическом уровне, на каком работают представители социальных наук, сосредоточенные на познании современности. Не говоря уже о том, что огромные усилия приходится тратить просто на сбор материала, в идеале нужно овладеть теориями других общественных наук и, отталкиваясь от них, создать новые. Добавьте сюда географические различия и необходимость их учета при теоретическом анализе прошлых типов общества (те варианты «теорий», которые связаны с географическими

³ Понимание того факта, что историческая наука должна заниматься не только описанием, но и теоретическим анализом, возникло еще в начале нашего века. Например, Н. Кареев предлагал для обозначения «описательной» истории использовать термин «историография», а для «теоретической» — термин «историология» (*Кареев* 1915).

различиями — социология арабского Востока, экономика африканских стран и т. д., также имеющих свою собственную временную структуру), и задача оказывается просто необозримой.

Даже с учетом того, что общества прошлого были несколько менее сложными, чем современное, интеллектуальных ресурсов отдельных исследователей для их изучения явно недостаточно. Это почувствовал немецкий историк В. Конце, писавший в середине нашего века: «Время одинокого историка прошло. Наступило время коллективных действий, потому что компоненты „структурного“ (хозяйство, политика, культура, социальное и т. д.) могут быть изучены только при разделении труда» (Conze 1956, S. 22).

Но, видимо, и в обозримом будущем задача создания «теоретической истории» не будет иметь удовлетворительного решения. Пока она решается за счет отдельных перебежчиков из стана экономистов, социологов и т. д., которые, став специалистами в своей области, начинают интересоваться историей (обычно это происходит ближе к пенсии). Столь же немногочисленны и историки, пытающиеся уже в зрелом возрасте всерьез овладеть какой-либо теоретической социальной дисциплиной. В обоих случаях человек выпадает из своего научного круга и должен начинать все сначала в другом (чуждом ему) сообществе.

Ясно, что надеяться на то, что обществоведы-теоретики станут в массовом порядке всерьез заниматься анализом прошлых обществ, отличных от нынешнего, не приходится. Вряд ли можно рассчитывать и на то, что историки начнут изучать многочисленные теории общественного устройства, чтобы затем на их основе создавать новые, адекватные иным научным задачам, — существующая система исторического образования на это явно не ориентирована (хотя некоторые сдвиги в этом направлении и происходят).

В силу нехватки людских ресурсов историк обречен на междисциплинарный, а точнее, на полидисциплинарный подход. Понимание того, что история является полидисциплинарной областью знания, мы обнаруживаем в размышлениях самых разных ученых. По существу это имел в виду Т. Н. Грановский, утверждая, что обширная сфера «наук политико-экономических должна быть пройдена историком» (Грановский 1986 [1849—1850], с. 9). Видимо, по той же причине Ф. Броделю история представлялась наименее дифференцированной из всех социальных наук (Бродель 1977 [1958], с. 116). «Историческая наука изучает социально-экономическую, обществен-

но-политическую и культурную жизнь общества во всех ее многообразных проявлениях и аспектах», — пишет В. Дьяков (Дьяков 1974, с. 11). Развернутое высказывание по этому поводу мы находим у И. Ковальченко: «Объект познания исторической науки, — пишет он, — вся совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории общества. Таким образом, по сравнению с другими конкретными общественно-гуманитарными науками история выступает как наука комплексная, интегральная» (Ковальченко 1987, с. 44).

Итак, по нашему мнению, в идеале история должна представлять собой систему, точнее, даже набор *систем* общественных наук, каждая из которых соответствовала бы определенному типу прошлых обществ. Кроме того, история должна заниматься и проблемой перехода от одного типа общества к другому, от одной равновесной системы к другой. Но человеческие ресурсы, участвующие в этом предприятии, весьма и весьма ограничены, и поэтому, как нам кажется, по современным меркам система *исторических наук* еще не вышла из «дотеоретической» стадии, за которой должны следовать специализация и выделение функций сбора информации за рамки собственно науки. Достигнет ли когда-нибудь история соответствия нормативному «научному» идеалу, и нужно ли к этому стремиться? Или же стоит последовать призыву С. Утченко, который писал: «Давайте попробуем оставить историю историей. Она, пожалуй, этого заслуживает...» (Утченко 1966, с. 243).

Кснечню, историческое знание со времен Геродота и Фукидида претерпело фундаментальные изменения, и предлагаемая нами концепция применима только к современной научной эпистеме, в которой существует целый ряд сложившихся социальных дисциплин, отвечающих стандартам научного знания. И методы, которые использует, разрабатывает (или должна была бы найти и применять) историческая наука для познания своего объекта, отражают (или должны отражать) состояние социального знания на данный момент. Но, как нам кажется, внесение третьей «классификационной оси» — времени — позволяет не только точнее определить место истории в системе наук, но и проследить эволюцию представлений о реальной роли истории в системе знания под нетрадиционным ракурсом.

§ 1. ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ

— Вопрос не в том, кому принадлежит Содержимое, а в том, кто имеет на него больше прав. Всякой вещи — достойный хозяин! Вы все видели Морру, и я спрашиваю: может ли она при такой внешности иметь право на Содержимое чемодана?

Туве Янссон. Шляпа Волшебника

Первоначальное значение слова «история» восходит к греческому *ιστορία*, что значит «расследование», «узнавание», «установление». Таким образом «история» отождествлялась со способом узнавания, установления подлинности событий и фактов. Однако в римской историографии это слово приобрело уже второе значение и «относилось не к способу узнавания, а к узанному и обозначало рассказ о событиях прошлого, т. е. центр тяжести был перенесен с исследования былого на повествование о нем. Вскоре „историей“ называли уже всякий рассказ о любом случае, происшествии, действительном или вымышленном» (Барг 1979, с. 29). В эпоху Возрождения возникает третий смысл понятия «история» — род литературы, специальная функция которой заключается в установлении и фиксации *истины*. Все три способа определять и, соответственно, писать историю доказали свою состоятельность тем, что сосуществуют до настоящего времени. Но разнообразие и противоречивость способов исторического познания изначально затрудняли определение места истории в системе знания.

Вплоть до начала XX в. эта проблема решалась в рамках построения общих схем классификации знания⁴. Основы этих схем, использовавшихся в Европе более двух тысячелетий, были разработаны (как, впрочем, и многое другое) еще Платоном (428/27—348/47 до н. э.). Намеченные им подходы и лежат, по существу, в основе всех последующих представлений о классификации знаний (по крайней мере в европейской и отчасти в арабской культуре).

⁴ При анализе схем классификации знания мы в существенной степени опираемся на фактологический материал, собранный в фундаментальной работе Е. Шамурина (*Шамурин* 1955—1959; см. также *Кедров* 1961—1965).

1. Классификация «по предмету»

Первая схема была дана Платоном в виде перечня предметов или дисциплин, которым должны обучаться юноши, предназначаемые быть «стражами-воинами» идеального государства, или те, кому предстоит править им (*Платон. Государство* II, 376—412; VII, 521—532). Предваряет этот список гимнастика или физическое воспитание, а собственно «научные» предметы можно разделить на две группы: 1) чтение (включая письмо), словесность и диалектика; 2) арифметика, геометрия, астрономия и музыка⁵ (сам Платон перечисляет предметы в несколько ином порядке, но позднее утвердилась именно эта последовательность).

Платоновский список из семи дисциплин получил всеобщее признание в Древнем Риме, а позднее среди христианских авторов⁶. В IV—V вв. список постепенно стандартизируется под названием «Septem artes liberales», что обычно переводится как «семь свободных искусств». Тогда возникает деление семи дисциплин на две группы: так называемые «trivium» (трехпутье), куда входили грамматика, риторика и диалектика, и «quadrivium» (четырепутье), включавший арифметику, геометрию, астрономию и музыку. В VI в. Флавий Магн Аврелий Кассиодор (490—583), по-видимому, одним из первых расширил платоновский список, добавив к нему три «более сложные» дисциплины — медицину, космографию и богословие.

В VII в. платоновская схема была использована в первой средневековой европейской энциклопедии — «Этимологиях» Исидора Севильского (570—636), состоявшей из двадцати книг и служившей в течение нескольких веков одним из основных сводов знаний в

⁵ Присутствие музыки в этом списке не должно вызывать удивления — речь шла, в частности, о законах гармонии, ритма и механики, что связывало музыку с астрономией. Например, Пифагор был известен не только как математик, но и как видный музыкальный теоретик, построивший систему тонов, основанную на том факте, что при уменьшении длины струны на $\frac{1}{3}$ высота извлекаемого из нее звука увеличивается на $\frac{1}{5}$.

⁶ С небольшими вариациями (в основном касавшимися порядка изучения предметов) этот список воспроизводился в работах Марка Теренция Варрона (116—27 до н. э.), Филона Александрийского (Иудеянина; 25 до н. э. — 39 н. э.), Св. Августина (354—430), Марциана Миннея Феликса Капеллы (IV — начало V в.); см.: *Шамурин* 1955—1959, т. 1, с. 40. Отличие их схем от платоновской заключалось, по существу, лишь в том, что название предмета «чтение» было изменено на «грамматику», а «словесность» — на «риторику».